

**МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
ЭЛАСТИЧНОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА:
ПЕРЕСТАНУТ ЛИ ЦЕННОСТИ ИМЕТЬ ЗНАЧЕНИЕ?
(ЧАСТЬ 1)***

А. Н. Сунами

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Е. В. Павлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Основная цель представленного исследования заключается в анализе особенностей трансформации моральных оснований политики в условиях формирующегося цифрового общества. Авторы отталкиваются от классических представлений о моральных основаниях политики как разноуровневого комплекса, который конституирует идентичность, обеспечивает легитимацию власти и включает в себя разрабатываемые политической философией концептуальные-теоретические идеологемы, ценностно окрашенные партийно-политические программы достижения целей и отражающиеся в массовом сознании идеологии-чувства. В качестве основного теоретического инструмента ревизии трансформации моральных оснований политики в условиях цифровизации используются современные попытки концептуализации цифрового общества М. Кастельса, Т. Редшоу, М. Чейко, Д. Вайкман и Н. Додда. Эластичность цифрового общества рассматривается как способность новой технологической парадигмы, характеризующейся перманентными инновациями и текучестью, к модификации институтов и систем путем перегруппировки их компонентов таким образом, который не приводит к разрушению базовой организационной структуры. Результат воздействия эластичности цифрового общества на моральные основания политики раскрывается через линзу нарастающей мозаичности дискурсивных образов элементов политической системы и смещения на периферию тех политических феноменов, которые обладают жесткой ценностно-нормативной структурой. В статье делается вывод, что в условиях цифрового общества сложный комплекс моральных оснований политики имеет выраженную тенденцию к схлопыванию до пределов наиболее актуализированных форм проявления ценностей в виде идеологий-чувств массового сознания, в то время как более высокие эшелоны ценностей естественным образом атрофируются в силу невозможности осмысленного взаимодействия с ними по причине кардинального ускорения политического процесса в условиях цифровизации.

Ключевые слова: политика, мораль, цифровое общество, политическая этика, ценности, мозаичная культура.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00220, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>.

Основная цель представленного исследования заключается в анализе степени радикальности изменений, которые будут вынуждены претерпеть привычные для нас политические феномены в результате все более и более расширяющейся цифровой экспансии. В нашем случае мы более всего сосредоточимся на моральной обусловленности политического, при этом объем этического присутствия в политике, безусловно, вынуждает нас так или иначе затронуть иные проблемы, зачастую уже ассоциированные в академической литературе с цифровизацией политики, как то: фейковые новости, взаимный контроль, манипулирование выборами, дискриминация алгоритмами и другие [Mišić, 2021; Сморгунов, 2022; Коньков, 2020]. Важно иметь в виду, что для текущего дизайна политической жизни России весьма существенным являются попытки конструирования ценностно насыщенной идеологии, выразившиеся в концентрированном виде в концепте традиционных духовно-нравственных ценностей. Безусловно, слово «традиционные» не должно вводить нас в заблуждение в том смысле, что речь идет не об анахронизме, застрявшем в доиндустриальной эпохе, а о том, как укорененные в российской культуре моральные основания функционируют в сопровождающем нас историческом моменте. В контексте данного исследования актуализируется тема: каким образом традиционные ценности имплементируются в цифровых обстоятельствах.

Важно отметить, что приоритетный интерес именно к этике среди прочих фундаментальных оснований политики является одним из базовых трендов, который нетрудно обнаружить в современных трудах по цифровизации. Так, авторы доклада Российской академии народного хозяйства и государственной службы «Этика и цифра: от проблем к решениям», подготовленного для государственных служащих, фиксируют, что «если рассматривать “цифру” не как цель, а как средство, как путь к укреплению общественного благосостояния, то этические вопросы оказываются ключевыми для успешного внедрения любых цифровых решений» [Потапова, Шклярчук, 2021, с. 174]. В свою очередь Я. Мишич заключает, что прежняя логика развития цифровой трансформации, в русле «менталитета Кремниевой долины “двигайся быстро и ломай все”» [Mišić, 2021, с. 175], с каждым днем все более и более подвергается критике со стороны всех политических групп, как элит, так и рядовых граждан, ощущающих критическую опасность, которую несет для сложившихся демократических институтов бесконтрольная цифровизация. Примером внимания властей к проблеме регламентации цифровых феноменов является то, что выработка и запуск цифровой стратегии под лозунгом «Европа, готовая к цифровой эпохе» вошли в число шести главных приоритетов Европейской комиссии на период до 2024 г., наряду с «зеленой экономикой», продвижением европейских ценностей и др.

Вместе с тем представляется достаточно очевидным существование некоторого разрыва в экспликации проблемы трансформации политической этики в условиях цифровизации. С одной стороны, нельзя не согласиться с А. Е. Коньковым в том, что «цифровое измерение политики — это новый, только формирующийся предмет исследования. Поиск подходов к нему остается широким и в большей степени зыбким пространством дискуссии, ограниченным, с одной

стороны, развивающимся дискурсом цифровизации экономики с его актуальными проявлениями и экстраполяцией в другие сферы (экономический редукционизм), а с другой стороны, умозрительным прогнозированием возможного приложения будущих технологий (социально-политический футуризм)» [Коньков, 2020, с. 49]. И в этой связи целостному восприятию того, что такое политика в эпоху цифры, только еще предстоит сформироваться. С другой стороны, мы видим целый комплекс работ, посвященных отдельным и подчас довольно узким аспектам политического участия, изменения которых уже видны невооруженным глазом, а достигнутые в них успехи и возникающие риски подробно исследованы [Cover, 2022; Алейников, Мальцева, Тузова, 2022; Etter, Albu, 2021; Попова, 2021; Lahlou, 2008].

Конечно, мы должны сразу же отметить, что, несмотря на всю его уместность, даже реферативный обзор наиболее влиятельных концепций политической этики от Платона до Р. Нозика занял бы невероятный объем. В силу этого мы вынуждены оставить его в качестве некоего фона настоящего исследования, ограничившись лишь базовой установкой с опорой на широко цитируемое в отечественной политологической литературе определение политической этики К. Баллестрема как «части практической философии, которая занимается основными нормативными вопросами политики: принципами справедливого социального устройства, конституцией; критериями легитимного управления, правами и обязанностями руководителей и граждан (включая право противодействия и долг послушания); проблемой справедливости в отношениях между государствами» [Баллестрем, с. 87].

Также мы не считаем необходимым подробно останавливаться на анализе проблемы, является ли цифровое общество новым типом общества или лишь новой версией прежнего социального устройства. Академическая дискуссия уже была нами пристально рассмотрена в прежних работах [Сунами, 2023а], что позволяет перейти непосредственно к сделанному выводу. Считая абсолютно обоснованным мнение Т. Редшоу, согласно которому любая попытка классификации обществ должна базироваться на изучении производительных сил и рационализации производственных процессов [Redshaw, 2020], мы полагаем, что даже глубокая цифровизация общественных отношений, начальные этапы которой мы наблюдаем, не означает, что мы имеем дело с какой то новой формацией. Сам термин «цифровое общество» по своей сути является коллекцией различных концептов, каждый из которых так или иначе вырастает из идеи некоего нового, но все-таки капитализма. Здесь можно вспомнить работы по «виртуальному капитализму» М. Доусона и Д. Фостера [Dawson, Foster, 1996], цифровому капитализму Д. Шиллера [Schiller, 1999], «транснациональному сетевому капитализму» К. Фукса [Fuchs, 2009]. Чрезвычайно интересным в этой связи является труд, подготовленный группой ученых Санкт-Петербургского государственного университета под руководством Л. В. Сморгунова «Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость», в котором скрупулезно рассматривается концепция технополитики как отражения трансформационной способности техники воздействовать на политические феномены [Сморгунов, 2022].

Еще одним выводом, который уже был нами сделан, является то, что мы пока не вправе полагать, что цифровизация приводит к замене одних ценностей на другие и, соответственно, требует от нас некой новой этики. Безусловно, новая цифровая инфраструктура подчас заставляет нас переосмысливать и учиться применять в ее отношении традиционные моральные категории и дилеммы. Конечно же, мы не можем игнорировать настойчивые попытки современных моральных философов расширить своеобразный «клуб» моральных агентов за счет цифровых субъектов, как это делает, например, в своих последних работах Д. Чалмерс [Chalmers, 2022]. Несмотря на это, мы в целом солидарны с категоричной позицией А. А. Иванова: «...никакого специального понятия цифровой этики не нужно, — это обычная этика, только в цифровой сфере» [Иванов, 2021]. При этом, естественно, нельзя не разделять тревогу, манифестируемую изрядным количеством ученых, что в процессе цифровизации фундаментальные права и ценности подвергаются все возрастающим рискам [Brkan, Claes, Rauchegger, 2020]. Тем не менее мы полагаем, что особенности цифрового общества заставляют изменяться не сами ценности, а скорее наше взаимодействие с ними и их привычную роль как одного из фундаментальных оснований политики. Именно фиксации этих специфических черт, которые, как мы полагаем, в своем потенциале способны кардинально пересобратить функции морали в ландшафте политического взаимодействия, будет посвящена первая часть настоящего исследования.

Наиболее существенный, с нашей точки зрения, элемент детализации цифрового общества, а именно высокая степень его эластичности, вынесен в заголовки настоящей статьи. Но прежде чем приступить к препарированию этой характеристики, нам необходимо сосредоточиться на некоторых не менее существенных аспектах, которые выступают в качестве своеобразных пререквизитов эластичности цифрового общества.

Первым таким аспектом является связанность. Как уже было указано выше, академическая литература насыщена проблемами цифрового контроля, зависимости политического участия от алгоритмов, фактического исключения имевшейся до сей поры политической интимности, нарушить которую прежде было возможно только в рамках отдельно конституированных процедур, ибо «невозможно отрицать привлекательность учения о личном согласии и параллельного тезиса о том, что ни одно правительство не является легитимным, если оно действует без согласия управляемых» [Gutorov, Shirinyants, Kazarinova, 2023, с. 9].

Термин «суперсвязанность», введенный не так давно в научный оборот М. Чейко, заявленный ею в ходе экспликации цифрового общества, позволяет автору концептуализировать довольно мрачные картины грядущего «общества взаимной слежки» [Chaiko, 2016]. Безусловно, ключевые характеристики идеи общественного договора, которыми мы так или иначе привыкли оперировать в анализе политических режимов, должны быть скорректированы в условиях тотального контроля. Очевидно, что политическая история явила и продолжает нам демонстрировать неисчислимое количество примеров тотального надзора государства или какой либо политической силы за гражданином, и, казалось бы,

ничего принципиально нового не произошло, только вот никогда еще этот контроль не был бы столь технологически обеспечен, как в эпоху цифры. Никакой цензор прежних эпох и целые сети доносчиков никак не могли бы обеспечить такую опеку над человеком, как инструменты цифровой сети, охватившие все социальное пространство. Как пишет М. Чейко в той же работе, только радикальные действия, фактически идентичные практикам отшельничества, смогут вывести субъекта за пределы цифровых алгоритмов, все более и более опосредующих социальное взаимодействие. Управляемые внешними, зачастую скрытыми и не транспарентными институциями, цифровые пространства обладают возможностью обнажить любые, даже самые интимные стороны человеческого существования. В течение долгого времени эти невидимые операторы как бы ускользали от внимания участников политических процессов. Вероятно, по причине того, что только недавние политические скандалы, связанные с доказанными случаями намеренной политической цензуры, искажения алгоритмов в пользу тех или иных властных групп, показали, что «невидимой руки» интернета на самом деле не существует, что наше восприятие наиболее популярных сервисов (видеохостингов, социальных сетей как элементов инфраструктуры, витальных коммуникаций) было ложным. Естественным образом как бы отсутствующий субъект, скрытый за ширмой свободных самоуправляемых ассоциаций, не мог быть этически атрибутирован. Между тем открывшаяся истина в условиях практически сформировавшейся к настоящему времени критической зависимости процессов публичной политики от цифровых сервисов как бы повисла в воздухе. Существенной коррекции политических механизмов и процедур не произошло, если не считать попыток вторичной цензуры площадок, замеченных в политических манипуляциях.

Как цифровой контроль может преобразовывать благие инициативы в их полную противоположность, например, идею человекоориентированного управления, мы уже рассматривали в других работах [Сунами, 2023b], так что перейдем к следующей черте цифрового общества, еще более приближающей нас к теме эластичности, а именно к скорости.

Не будет открытием тот факт, что невероятно выросшая благодаря цифровым технологиям скорость обмена, в свою очередь разогнавшая более периферийные социальные процессы, главным образом и позволила заявить цифровое общество как новую нормальность, а происходящие изменения провозгласить революционными. В действительности стоит говорить не столько о количественных параметрах ускорения, сколько о преобразовании скорости в некое новое качественное явление. Здесь необходимо пояснить, что имеется в виду, ибо это категорически важно для последующего анализа эластичности. Как кажется, лучше всего об этом написал Т. Редшоу: «Время, как оно есть, сводится к головокружительной процессии непрерывных инноваций, направленных на неразличимое <...> мы должны неуклонно увеличивать темп жизни, чтобы быть более эффективными и продуктивными во имя прогресса, что не подвергается сомнению, как и неясность того, к чему мы движемся» [Redshaw, 2020, с. 429]. Иными словами, емкость смысла становится обратно пропорциональной степени ускорения. Это высказывание вероятно будет восприниматься более прав-

доподобным, если мы посмотрим на то, как абсурдно ускорение сказывается на экономии времени. Кажется безальтернативной посылка, что увеличение скорости осуществления процессов должно высвободить дефицитные ресурсы времени, но парадоксальным образом в действительности ускорение приводит исключительно к росту количества осуществляемых процессов. Невероятной ценной для анализа феномена цифрового ускорения является рефлексия социологического наследия, посвященная переменной скорости социальных процессов, предпринятая в работе Д. Вайкман и Н. Додда «Социология скорости» [Wajzman, Dodd, 2017]. Анализ текущего радикального ускорения, произведенный в комплексе ретроспективного обзора предшествующих ступеней все возрастающего темпа, позволяет почувствовать наблюдаемое сегодня не как автономный и уникальный объект, а как новый этап непрерывного прогресса, который вышел на такие параметры скорости, что человечество не может более осознавать его в синхронном режиме, вынуждено постоянно опаздывать и рефлексировать лишь тени инноваций, уже устаревших к моменту осмысления. Предварительное рассмотрение ускорения политических процессов позволяет предположить в качестве его последствий возрастание доминирования мозаичности дискурсивных образов, или аватаров, как политических лидеров, так и властных институтов, и смещение на периферию всех политических феноменов, обладающих жесткой внутренней структурой, которая не позволяет им корректно осуществляться вне глубокой проработки их актором. В целях пояснения данной гипотезы мы считаем уместным проиллюстрировать ее через другой феномен из смежной области социальной психологии, характерным атрибутом которого тоже является мозаичность, а именно так называемое клиповое мышление. Конечно, нельзя умолчать, что клиповое мышление традиционно рассматривалось сквозь призму смены поколений людей текстовой культуры на людей «культуры экрана», однако мы полагаем эту разницу несущественной, хотя бы в силу очевидной позитивной взаимосвязанности визуализации и скорости обмена. А. Моль, один из первых, кто выделил проблемы клиповости мышления, описывает ее следующим образом: «...знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей <...> эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает “экрану знаний” определенную плотность» [Моль, 2008, с. 45]. По его мнению, эта череда обрывков не позволяет индивиду составить цельную картину мира и приводит к производству личностей с расщепленным сознанием, неспособных к системному мышлению. Обозначая контуры мозаичной культуры в 1960-х годах прошлого века, А. Моль вряд ли мог предположить, сколь радикальным образом выделенная им тенденция разгонится благодаря скорости, заданной цифровыми процессами. Теперь, рассмотрев связанность и скорость, мы можем перейти к уже обозначенной нами вскользь гибкости или эластичности цифрового общества.

Итак, в своей экспликации мы главным образом будем опираться на фундаментальные работы М. Кастельса. Именно в череде особенностей, которыми наделяет М. Кастельс новую эпоху, мы и обнаруживаем необходимую нам ка-

тегорию. К числу специфических черт М. Кастельс относит: приобретение информацией качеств сырья новой эпохи, интегральное воздействие инновации на все индивидуальные и коллективные процессы, сетевую логику реализации каждой общественной системы, высокую степень конвергенции и интеграции технологий и, наконец, гибкость новой «информационно-технологической парадигмы» [Кастельс, 2000]. В чем же выражается эта гибкость, или эластичность? М. Кастельс поясняет ее через следующее положение: «Процессы не только обратимы; организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации — решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. Поставить правила с ног на голову, не разрушая организацию, стало возможным, так как материальную базу организации теперь можно перепрограммировать и перевооружить» [Кастельс, 2000, с. 77]. Можно сделать вывод, что невероятная эластичность цифрового общества кардинально меняет тактику сохранения устойчивости, в рамках которой лишенная прежней жесткости нормативно-ценностная система постепенно перестает ожесточенно бороться с еретиками, ренегатами и чужаками, а оперативно переконфигурирует брошенные вызовы. Но за счет чего обеспечивается эта эластичность?

Привычная для нас функция ценностей в политике заключается в установлении нормативно регулирующего фундамента, обуславливающего с той или иной степенью жесткости границы осуществления политики. То есть, с одной стороны, это конституирование идентичности политической структуры, без которой она не может корректно работать, с другой, на уровне политической повседневности, обеспечение легитимации власти, или, по выражению Н. Лумана, «внешней страховки» [Луман, 1992, с. 75–76]. Иными словами, «моральная цензура» со стороны публики и политических конкурентов заставляет «игроков» в целом придерживаться правил «честной игры» [Капустин, 2010, с. 352]. Будучи первоначально ценностными, ориентации тех или иных политических кругов после завоевания последними доминирующего положения во властной системе формируют комплекс, выражающийся в главенствующей идеологии, становясь необходимым элементом в протоколе маркировки «свой — чужой» и, в конечном счете, политической идентификацией.

Каким же образом меняется эта роль в условиях эластичного цифрового общества? Можно смело предположить, что в настоящее время наблюдается явно выраженное смещение фокуса от ценностей как таковых к их следам, т. е. отдельным частным феноменам, как бы являющимся признаками или отражением ценностей, их тенью, но не ими самими. Это вполне соответствует концепции мозаичной культуры А. Моля, ибо эти рефлексии складываются из разрозненных обрывков, случайно и недолговечно связанных по созвучию или ассоциации с моральными основаниями.

Классическое для политических наук рассмотрение моральных оснований политики подразумевает три уровня существования последних [Степанищенко, 2011]. Самый высокий уровень — концептуально-теоретический: супер-иде-

ологии, разрабатываемые политической философией. На мезоуровне идеалы конкретизируются, концептуально-теоретические конструкции транслируются в программы политических сил, устанавливаются морально обусловленные конечные цели, стратегии и тактики их достижения. И, наконец, наиболее актуализированный уровень — ценности как «идеологии-чувства», отражения идеалов в массовом сознании.

Само собой разумеется, что полноценный цикл существования супер-идеологии в условиях скорости цифрового общества просто не имеет шансов себя реализовать, но даже на программно-политическом уровне стратегии могут быть в лучшем случае только составлены: с невероятной быстротой устарев уже на начальном этапе реализации, они отправляются в архив. То же ждет и следующие поколения стратегий, каждая из которых повторяет судьбу своей предшественницы. И только самый актуализированный уровень «идеологии-чувства» оказывается релевантен по своим параметрам предлагаемой скорости цифровой реальности. Таким образом, моральные основания политики оказываются полностью сконцентрированными в формате, имеющем наименее продолжительный жизненный цикл, все остальные уровни постепенно и естественным образом атрофируются в силу невозможности осмысленного взаимодействия с ними в предлагаемых временных рамках. Более того, даже то, что формально манифестируется как супер-идеология или политическая программа, на самом деле также, по сути, функционирует в виде череды обрывков, хотя, вероятно, их авторы закладывали более продолжительную перспективу. Но из всей трехуровневой конструкции моральных оснований политики этот уровень, помимо краткосрочности своего существования, обладает наибольшей степенью податливости, уязвим для манипуляций политических игроков, изобилует смещенными, нереалистическими элементами, изменчив и забывчив.

Сделанный нами набросок пока не позволяет уверенно ответить на вынесенный в заглавие вопрос, означает ли свертывание всего многообразия форм моральных оснований политики до пределов наиболее актуализированных и поверхностных типов радикальной редукции действительного значения ценностей в политике. Тем не менее очевидно, что эластичность цифрового общества, обеспечивая быстрое технологическое развитие политической инфраструктуры, в определенной степени дегуманизирует сферу политики, внешне усиливая ценностно детерминирующий ее фон, в действительности же сводя ее к политтехнологическому продуцированию управляемых и детально прогнозируемых реакций граждан.

Таким образом, препарирова формирующуюся эластичную цифровую среду политики, в представленной работе мы выделили ряд наиболее важных ее характеристик: новое качество связанности политических акторов и ускорение политических изменений, которые в совокупности приводят к увеличению гибкости моральных оснований политики. Основная задача проведения ревизии моральных оснований политики в условиях эластичности цифрового общества заключается в поиске объяснительной модели реконцептуализации функций ценностей в политике, подразумевающей конкретизацию трансформации значения моральных оснований политического действия и поиск эффективного

ответа на вызовы цифровизации с целью коррекции работы традиционных демократических институтов. Детальный анализ изменения роли ценностей в различных элементах социальной системы (сервисов администрирования, политической коммуникации, электоральных процедур и других) будет представлен во второй части статьи.

Литература

Алейников А. В., Мальцева Д. А., Тузова П. Р. Медиатизация коммуникаций как фактор трансформации ценностных ориентаций российской молодежи: тенденции и риски (часть 2) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 406–424. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.404>

Баллестрем К. Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики) // Философские науки. 1991. № 8. С. 83–94.

Иванов А. А. Цифровая этика и право // Закон. 2021. № 4. С. 67–73.

Капустин Б. Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010. 424 с.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура, М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.

Коньков А. Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>

Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 69–76.

Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

Попова О. В. Политическая онлайн-коммуникация молодежи российских мегаполисов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3, вып. 2. С. 28–54. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.157>

Потапова Е. Г., Шклярук М. С. (ред.). Этика и «цифра»: от проблем к решениям. М.: РАН-ХиГС, 2021. 184 с.

Сморгунов Л. В. (ред.). Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость. М.: Аспект Пресс, 2022. 351 с.

Степанищенко О. В. Понятие и природа политических ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 2 (1). С. 284–292.

Сунами А. Н. Этика «цифрового общества»: новый конфликт или новый баланс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023а. Т. 39, вып. 3. С. 544–556. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311>

Сунами А. Н. Этическая рефлексия цифрового контроля и человекоориентированное управление // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023b. № 2. С. 30–32. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-30-32>

Brkan M., Claes M., Rauegger C. European fundamental rights and digitalization // Maasticht Journal of European and Comparative Law. 2020. Vol. 27, iss. 6. P. 697–704. <https://doi.org/10.1177/1023263X20983778>

Chalmers D. J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. New York: W. W. Norton & Co., 2022. 544 p.

Chayko M. Superconnected: The Internet, digital media, and techno-social life. Thousand Oaks: Sage Publishing, 2016. 272 p.

Cover R. Digital hostility, subjectivity and ethics: Theorising the disruption of identity in instances of mass online abuse and hate speech // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2022, Vol. 29, iss. 2. P. 1–14. <https://doi.org/10.1177/13548565221122908>

Dawson M., Foster J. B. Virtual capitalism: The political economy of the information highway // Monthly Review. 1996. Vol. 48 (3). P. 40–58. https://doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_3

Etter M., Albu O.B. Activists in the dark: Social media algorithms and collective action in two social movement organizations // Organization. 2021. Vol.28, iss. 1. P. 68–91. <https://doi.org/10.1177/1350508420961532>

Fuchs C. A contribution to the critique of the political economy of transnational informational capitalism // Rethinking Marxism. 2009. Vol.21. P.387–402. <https://doi.org/10.1080/08935690902955104>

Gutorov, V. A., Shirinyants, A. A., Kazarinova, D. B. Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue // RUDN Journal of Political Science. 2023. Vol.25, iss. 1. P. 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-1-9-20>

Lahlou S. Identity, social status, privacy and face-keeping in digital society // Social Science Information. 2008. Vol. 47, iss. 3. P. 299–330. <https://doi.org/10.1177/0539018408092575>

Mišić J. Ethics and governance in the digital age // European View. 2021. Vol.20, iss. 2. P. 175–181. <https://doi.org/10.1177/17816858211061793>

Redshaw T. What is Digital Society? Reflections on the aims and purpose of digital sociology // Sociology. 2020. Vol. 54, iss. 2. P. 425–431. <https://doi.org/10.1177/0038038519880114>

Schiller D. Digital capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge: MIT Press, 1999. 320 p.

Wajcman J., Dodd N. (eds). The sociology of speed: digital, organizational, and social temporalities. Oxford: Oxford University Press, 2017. 224 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198782858.001.0001>

Сунами Артем Николаевич — канд. полит. наук, доц.; a.sunami@spbu.ru

Павлова Елена Вячеславовна — аспирант; e.v.pavlova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 28 августа 2023 г.;

рекомендована к печати: 10 ноября 2023 г.

Для цитирования: Сунами А. Н., Павлова Е. В. Моральные основания политики в условиях эластичного цифрового общества: перестанут ли ценности иметь значение? (Часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20, № 1. С. 33–44. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.103>

THE MORAL FOUNDATIONS OF THE POLITICS UNDER CONDITIONS OF DIGITAL SOCIETY FLEXIBILITY: IF HUMAN VALUES NO LONGER MATTER (PART 1)*

Artem N. Sunami

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.sunami@spbu.ru

Elena V. Pavlova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e.v.pavlova@spbu.ru

The main goal of the presented study is to analyze the features of the transformation of the moral foundations of politics in the digital society conditions. The authors start from the classical ideas about the moral foundations of politics as a multi-level complex that constitutes identity and provides legitimization of power and includes conceptual and theoretical ideologies developed by political philosophy, value-colored party-political programs for achieving goals, reflected in the mass consciousness of ideology-feelings. Modern digital society conceptions by M. Castells, T. Red-

* This work was supported by the grant no. 23-28-00220 funded by the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/23-28-00220/>.

shaw, M. Chayko, J. Wajcman and N. Dodd are used as the main theoretical tool for revising the transformation of the moral foundations of politics in the context of digitalization. The elasticity of a digital society is seen as the ability of a new technological paradigm characterized by permanent innovation and fluidity to modify institutions and systems by reconfiguration their components in a way that does not lead to the destruction of the basic organizational structure. The impact of the elasticity of the digital society on the moral foundations of politics is revealed through the lens of the increasing mosaic of discursive images of the political system elements and the displacement to the periphery political phenomena with a rigid value-normative structure. It concludes that in the conditions of a digital society, a complex set of moral foundations of politics has a pronounced tendency to collapse to the limits of the most actualized forms of manifestation of values in the form of ideologies-feelings of mass consciousness, while higher levels of values naturally atrophy due to the impossibility of meaningful interaction with the speed of the political process in the conditions of digitalization.

Keywords: policy, morality, digital society, political ethics, human values, mosaic culture.

References

- Aleinikov A. V., Maltseva D. A., Tuzova P. R. Mediatization of communications as a factor of transformation of value orientations of Russian youth: Trends and risks (part 2). *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 406–424. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.404> (In Russian)
- Ballestrem K. G. Power and morality (the main problem of political ethics). *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1991, vol. 8, pp. 83–94. (In Russian)
- Brkan M., Claes M., Rauchegger C. European fundamental rights and digitalization. *Maas-tricht Journal of European and Comparative Law*, 2020, vol. 27, iss. 6, pp. 697–704. <https://doi.org/10.1177/1023263X20983778>
- Castells M. *The Information Age: Economy, society and culture*, Moscow: HSE Publishing House, 2000. 608 p. (In Russian)
- Chalmers D. J. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York: W.W. Norton & Co., 2022. 544 p.
- Chayko M. *Superconnected: The Internet, digital media, and techno-social life*. Thousand Oaks: Sage Publishing, 2016. 272 p.
- Cover R. Digital hostility, subjectivity and ethics: Theorising the disruption of identity in instances of mass online abuse and hate speech. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2022, vol. 29, iss. 2, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1177/13548565221122908>
- Dawson M., Foster J. B. Virtual capitalism: The political economy of the information highway. *Monthly Review*, 1996, vol. 48, iss. 3, pp. 40–58. https://doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_3
- Etter M., Albu O. B. Activists in the dark: Social media algorithms and collective action in two social movement organizations. *Organization*, 2021, vol. 28, iss. 1, pp. 68–91. <https://doi.org/10.1177/1350508420961532>
- Fuchs C. A contribution to the critique of the political economy of transnational informational capitalism. *Rethinking Marxism*, 2009, vol. 21, pp. 387–402. <https://doi.org/10.1080/08935690902955104>
- Gutorov, V. A., Shirinyants, A. A., Kazarinova, D. B. Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, vol. 25, iss. 1, pp. 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>
- Ivanov A. A. Digital ethics and law. *Zakon*, 2021, vol. 4, pp. 67–73. (In Russian)
- Kapustin B. G. *Criticism of Political Philosophy: Selected Essays*, Moscow: Territoria budushchego Publ., 2010. 424 p. (In Russian)
- Konkov A. E. Digital politics vs political digitalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, iss. 1, pp. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104> (In Russian)
- Lahlou S. Identity, social status, privacy and face-keeping in digital society. *Social Science Information*, 2008, vol. 47, iss. 3, pp. 299–330. <https://doi.org/10.1177/0539018408092575>

- Luhmann N. Politicians, Honesty and the Higher Amoralty of Politics. *Sociology Issues*, 1992, vol. 1, iss. 1, pp. 69–76. (In Russian)
- Mišić J. Ethics and governance in the digital age. *European View*, 2021, vol. 20, iss. 2, pp. 175–181. <https://doi.org/10.1177/17816858211061793>
- Moles A. *Sociodynamics of culture*. Moscow: LKI Publ., 2008. 416 p. (In Russian)
- Popova O.V. Online Political Communication of Youth from Russian Megapolises. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, vol. 3, iss. 2, pp. 28–54. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.157>. (In Russian)
- Potapova E. G., Shklyaruk M. S. (eds). *Ethics and digit: from problems to solutions*. Moscow: RANEPА Publ., 2021. 184 p. (In Russian)
- Redshaw T. What is Digital Society? Reflections on the aims and purpose of digital sociology. *Sociology*, 2020, vol. 54, iss. 2, pp. 425–431. <https://doi.org/10.1177/0038038519880114>
- Schiller D. *Digital capitalism: Networking the Global Market System*. Cambridge: MIT Press, 1999. 320 p.
- Smorgunov L. V. (ed.) *Political ontology of digitalization and state manageability*. Moscow: Aspekt Press Publ., 2022. 351 p. (In Russian)
- Stepanischenko O.V. The concept and nature of political values. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2011, vol. 2, iss. 1, pp. 284–292. (In Russian)
- Sunami A. Ethical reflection of digital control and human-oriented management. *Telescope*, 2023b, vol. 2, pp. 30–32. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-30-32> (In Russian)
- Sunami A. N. Ethics of “Digital Society”: New Conflict or New Balance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023a, vol. 39, iss. 3, pp. 544–556. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.311> (In Russian)
- Wajcman J., Dodd N. (eds). *The sociology of speed: digital, organizational, and social temporalities*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 224 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198782858.001.0001>

Received: August 28, 2023

Accepted: November 10, 2023

For citation: Sunami A. N., Pavlova E. V. The moral foundations of the politics under conditions of digital society flexibility: If human values no longer matter (Part 1). *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 33–44. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.103> (In Russian)